

ТРЕЛЬЯЖ

ИРИНА НИЛЬСЕН

Родилась и выросла в Москве, окончила филологический факультет МГУ (романо-германское отделение). Работала экскурсоводом, водила группы иностранных туристов по городам России.

Параллельно переводила на мастер-классах датских писателей и иллюстраторов, организованных посольством Дании в России, и представляла датские книжные новинки на литературных ярмарках. С 2015-го живет в Копенгагене и преподает

датский язык иностранцам. Рассказы выходили в финал литературных конкурсов и печатались в журнале «Электронные пампасы», альманахе «Пашня», а также в сборнике «Новогодние и рождественские рассказы будущих русских классиков».

– Это ты бабы Нины внучка? – спросила девочка с длинной черной косой.

Я кивнула, хотя больше всего мне хотелось от нее убежать. Но куда тут убежишь, когда слева от тебя соседка в домашнем платье в цветочек, а под лавкой – помойное ведро с торчащей из него сморщенной губкой для мытья посуды, и весь двор ждет мусоровоза.

– Я Катя. – Девочка протянула мне руку.

Лицо у нее было такое серьезное, будто она пришла на экзамен. Я посмотрела в проем между домами. Мусоровоза все не было.

– Я Лиза, – неохотно призналась я.

– Пойдешь в парикмахера играть?

Больше всего мне, конечно, хотелось поскорее избавиться от ведра и подняться к бабе Нине на четвертый этаж. Достать «Анну Каренину» и до обеда читать о том, как она кружилась на балу с Вронским. А то и до самого ужина. Хотя баба Нина наверняка нашла бы мне тысячу других занятий. Она всегда так делает, когда я «рассиживаюсь» в кресле и «ломаю глаза». Наверное, поэтому *больше всего* мне все-таки хотелось домой, в Москву.

К бабе Нине в Нижегородскую область мы обычно приезжали на пару недель в июне. Это было время поспевающей клубники, первых грибов, шашлыков у дяди Миши и поездок на водохранилище. Баба

Нина пекла нам пироги, приносила с рынка трехлитровую банку деревенского молока и водила нас к соседке поиграть в лото на деньги. Ставка была – десять копеек. В самые удачные дни выигрыш составлял целый рубль.

Но в этом году все было не так, как обычно. Из-за кризиса девяносто восьмого папа потерял работу и целыми сутками сидел на телефоне и кому-то звонил, пытаясь устроиться на новую. Мама взяла отпуск и пошла подрабатывать в магазин сантехники. А я, дождавшись школьных каникул, собиралась отправиться к своей московской бабушке, но она внезапно попала в больницу с давлением, и меня на все лето отправили в маленький город в Нижегородской области.

Мне было одиннадцать лет, и соседские дети казались мне скучными. Они не ходили с бабушкой смотреть Репина в Третьяковскую галерею и не читали по три книжки в месяц. Им не хотелось спорить с дедом, когда он, поддав с соседом, заводил разговор о достижениях советского народа и о развале нации. Им хотелось носиться по улице, кричать и размахивать палками. По крайней мере, так это выглядело из окна бабы-Нининой хрущевки. Чтобы не дай бог не оказаться вовлеченной в их глупые игры, я ходила в библиотеку под прикрытием бабы Нины, заодно помогая ей донести сумки с колхозного рынка.

Когда бабы Нины не было дома, я заглядывала в трельяж. Лапать зеркало строго запрещалось, поэтому я бралась за обратную сторону и поворачивала боковые створки так, чтобы они множили мое отражение. На несколько минут я чувствовала себя счастливой, окруженной умными, понимающими людьми. Мы стояли голова к голове, десяток одинаковых одиннадцатилетних девочек, показывали друг другу язык, перешептывались, делали смешные прически, рассматривали родинку на левой щеке и смеялись. А иногда наоборот, понизив голос, рассказывали друг другу, как сильно хотим домой. И вытирали кулаком слезящиеся глаза.

Каким-то образом баба Нина всегда узнавала, что я подходила к трельяжу.

– Опять тут играла? – ворчала она, прищурившись.

В эти моменты я почему-то всегда вспоминала слова бабы Нины о том, что «три-льях» называется так, потому что в нем три зеркала. Это меня ужасно сместило. Я-то, конечно, знала, что это французское слово: с пятого класса у нас в гимназии три раза в неделю вели второй иностранный. Поэтому бабу Нину я всегда поправляла. Она вообще многое говорила неправильно: стакан у нее был бокалом, а миска – чашкой, цвет и цветок она произносила через «э», в слове «звонит» делала ударение на первый слог, а «недавно» заменяла на «давеча». Когда мои уроки словесности докучали ей особенно сильно, она отмахивалась от них, как от мухи:

– Ну хватит уже! Иди лучше делом займись.

У меня тесто для пирогов подходит.

Я невольно плелась на кухню и помогала ей переставить с подоконника две огромные эмалированные кастрюли в цветочек. Баба Нина с воодушевлением учила меня делать ватрушки:

– Лепишь шарик, вставляешь в середину стакан донцем вниз, накладываешь в дырочку творог с горкой.

Если я слишком усердствовала со стаканом и дырка получалась сквозная, шарик нужно было лепить заново. Бабушка, глядя на это, шуточно вздыхала и качала головой:

– Ничему вас в этой Москве не учат!

Поэтому баба Нина взялась за мое воспитание:

– Бросай уже свою книгу, всю попу отсидишь! Давай-ка помоги мне рассаду пересадить. Какие еще черные ногти у тебя будут? Что за глупости? Отстрижь! Пройдись-ка тряпкой по полу: вон сколько пыли. Батюшки мои, да кто ж

так швабру-то держит? Дай покажу. Поставь воду для макарон в желтой кастрюле. Что значит, не умеешь газовую плиту включать?

И так до бесконечности. Я стала ходить за хлебом в ларек возле дома и сидеть с помойным ведром во дворе в ожидании мусоровоза. Единственное, на что я не соглашалась ни при каких обстоятельствах, – это спуститься «поиграть с ребятишками».

– О чем мне с ними говорить? – сердилась я.

– Да ни о чем не говори. Поди да поиграй. Скажи: можно с вами?

Ничего подобного я, конечно, делать не собиралась. Пока однажды мусоровоз не задержался на десять минут и мне не протянула руку Катя.

– Пойдем с нами в парикмахера играть? Нам одного человека не хватает.

Я пыталась отговориться, ссылаясь на помойное ведро, которое не оставишь без присмотра, но некстати встрявшая соседка пообещала выбросить за меня мусор и зачем-то меня переkreстила:

– Иди с богом.

И я пошла. Парикмахерская была устроена в роще за домом, девчонки по очереди вязали друг другу банты, плели косы и венки из одуванчиков и прилаживали их к волосам. В белой коробке из-под обуви у них были собраны резинки, заколки, крабики, ленты, гребешки и расчески.

– Давай я заплету тебе рыбий хвост? – сказала одна из девчонок, оглядывая мои спутанные пряди.

Я согласилась. Ее пальцы шустро пробежались по моей голове, и мне стало ужасно шекотно.

– Сиди ровно, – строго сказала она, и я удивилась, как сильно ее интонации походили на бабушкины.

«Я даже не знаю, как ее зовут», – подумала я, наблюдая, как ее подружка заплетает Кате корзиночки.

– А ты что умеешь плести? – спросили меня, когда рыбий хвост был готов.

Я посмотрела в зеркало. Коса струилась вниз пушистой елочкой – такой пышной, какой не получалось ни у мамы, ни у московской бабушки. Я с ужасом взглянула в коробку из-под обуви. Я не могла завязать даже аккуратный хвост без петухов.

– Я... – сказала я, не представляя, что ответить.

Но тут, на мое счастье, приехал мусоровоз, и, сославшись на то, что обещала сразу вернуться домой, я бросилась к подъезду.

Оказавшись в тесной безопасности квартиры, я сунула ведро под раковину и, вымыв руки, встала перед трельяжем. «Уж, наверное, это не сложнее ватрушек, – подумала я и взяла в руки расческу. – Сейчас сделаю сначала хвост, а потом и косичку».

Но дальше хвоста дело не пошло. Из-под резинки то тут, то там выбивались непослушные завитки. Резинка упрямылась и не желала сидеть на месте, то сползая вниз, то, наоборот, застревая на середине. Когда в комнату вошла баба Нина, я в остервенении вертела боковые створки туда-сюда, надеясь, что хоть с какого-нибудь ракурса моя прическа выглядит прилично.

– Ты что, косички не умеешь плести? – удивилась она. – То-то ты у меня все время ходишь неприбранная.

От этих слов мне вдруг стало ужасно смешно. Я представила свою голову неприбранной – словно комнату, по которой раскиданы игрушки и одежда. Баба Нина тем временем взяла расческу и, подойдя ко мне сзади, показала, как избежать петухов. К своим одиннадцати я уже была выше нее, и в зеркале мне было не видно ее лица – только загорелые ловкие руки с синеватыми венами под загрубевшей кожей. И мне захотелось, чтобы и мои пальцы приобрели хоть часть этой проворности и сноровки. Я взяла у нее расческу и послушно разделила волосы на три равные части: косичка, плетись!

Баба Нина сделала шаг назад и не вмешивалась в процесс, только изредка говорила:

– Нет, эту прядь клади сверху. Туже затягивай! Молодец.

Моя первая косичка получилась кривоватой, но без выбивающихся прядей и петухов. Я сдвинула створки трельяжа к себе, забыв, что зеркала нельзя касаться руками. Косичек сразу стало ужасно много.

– А можно, – сказала я своим отражениям, – я завтра опять пойду выносить мусор?

– Так машина теперь только в среду приедет, – сказала баба Нина и вышла из комнаты.

А я осталась у трельяжа, со створок которого на меня смотрело шесть одинаковых девочек, улыбающихся из-под оставшихся на зеркале отпечатков пальцев.